

КЛИТИКИ В «ПРОСТОЙ МОВЕ». ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ И ЧАСТИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕТЬИ 1489 Г.)

Екатерина Андреевна Смирнова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: katarzina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5763-6662

Аннотация

В исследовании дается характеристика поведения клитик в «простой мове». Частица *ся* в Четье иногда может стоять в ранее невозможной позиции — после неодночленной актантной группы; кроме того, клитика *ся* рассматривается в Четье в рамках устоявшихся синтаксических клише. В статье также описаны характерные особенности употребления частиц *бы* и *чи* (с модальным оттенком значения, близким современным частицам *разве*, *неужели*), функционально поменявших синтаксическую роль клитик на союзную. Исследование проведено на материале Четьи(-Минеи) 1489 г., дидактические гомилии (проповеди) которой, осуждая пороки и восхваляя добродетели, демонстрируют функциональное разнообразие местоимений. При употреблении личного местоимения 1 л. ед. ч. в памятнике наблюдается стилистическая дистрибуция: церковнославянская форма *азъ* используется преимущественно в речи, принадлежащей Господу, а разговорная «простомовная» форма *я* — в речи апостолов и пророков. Характерным для Четьи является частотное определительное местоимение *сам*, которое может выражать кореференцию с субъектом предложения и функционально сближаться с категорией возвратности. Местоимения могут употребляться в памятнике как самостоятельные единицы, так и в анафорических цепочках с кореферентностью местоимения и антецедента. Или некорреферентностью — если местоимение отсылает ко всему предшествующему предложению (т. е. выступает в функции детерминатива). В силу жанровых особенностей текст Четьи характеризуется повышенной персуазивностью и генерализацией изложения. Это достигается, в частности, синтаксическим приемом — анафорическими цепочками с кванторным антецедентом (подобный тип связи называется *связывание переменной*). Квантор в преобладающем большинстве случаев выражается местоимениями *хто* или (реже) *которыи*, *всакъ*, объединяемыми гиперонимом ‘всякий, любой’ и входящими в синтаксическую конструкцию: (*всякий*) *кто...*, *тот...*

Ключевые слова

«Проста мова», Четья 1489 года, местоименный узус, клитики, анафорические цепочки, кванторный антецедент

Статья поступила в редакцию 11 июня 2025 г.

Статья доработана автором 20 ноября 2025 г.

Статья принята в печать 24 ноября 2025 г.

Цитирование: Смирнова Е. А. Клитики в «простой мове». Особенности функционирования местоимений и частиц (на материале Четьи 1489 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 237–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.11>

CLITICS IN PROSTA MOVA. THE USAGE OF PRONOUNS AND PARTICLES IN 1489 MENAION READER (CHET'YA-MINEYA)

Ekaterina A. Smirnova

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: katarzina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5763-6662

Abstract

The article addresses the functions of pronouns and some non-pronominal clitics in the Prosta Mova. As a corpus it uses the 1489 Menaion Reader (Chet'ya-Mineya). In the capacity of the 1st person singular pronoun, the Church Slavonic form *азъ* (az) is used in the speech attributed to God, while the form *я* (ya) is used in the speech attributed to apostles and prophets. One of the characteristic features of the text is the frequent use of the reflexive pronoun *сам* '(one)self,' which can express coreference with the sentence subject and functionally approach the category of reflexivity. The clitic *ся* (sya) occurs in Chet'ya in well-established syntactic clichés.

The article also describes the functions of the particle *бы* (by), used in the text as a conjunction in the clause-initial position; and of the interrogative particle *чи* (chi) close in the meaning to the Modern Russian particles *разве*, *неужели* (razve, neuzheli).

The text frequently uses the correlative construction with the relative pronoun *хто* (khto) or (less often) *который*, sometimes modified by the universal quantifier *всакъ*. The correlate then is the pronoun to 'that'.

Keywords

Prosta mova, Menaion Reader 1489, pronouns, clitics, anaphoric chains, quantifier antecedent.

Received 11 June 2025

Revised 20 November 2025

Accepted 24 November 2025

For citation: Smirnova, E. A., 2025. Clitics in Prosta Mova. The Usage of Pronouns and Particles in 1489 Menaion Reader (Chet'ya-Mineya). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 237–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.11>

Исследование посвящено описанию характерных «простомовных» черт в узусе местоимений и частиц в конфессиональном памятнике XV в. — Четье-Минее 1489 г. Языковая основа Четьи является церковнославянской, однако диалектные черты «простой мовы» уже отчетливо проявляются в тексте памятника и вписываются в общую картину становления и развития литературного языка Великого княжества Литовского.

Четья 1489 г.¹ состоит из двух частей: Торжественника минейного и Златоуста пятидесятого, переплетенных вместе в конце XV в. Основным писцом был попович Березка (из района Берестя или из Подляшья), сын литовского попа Симеона Долбнича. Имена еще троих писцов, работавших над текстом Торжественника, неизвестны. Данное исследование проводилось на материале второй части Четьи (лл. 288–375), написанной одним писцом и являющейся комбинацией бесед Иоанна Златоуста и Измарагда.

По мнению Л. Гнатенко, кодексы стоит считать скорее копиями, нежели списками², так как их основные фонетические, морфологические и лексические особенности являются чисто украинскими или общими для украинского и белорусского языков. Четье присущи черты юго-западного белорусского³ и северо-украинского наречий, которые, безусловно, граничили и контактировали между собой.

Кодексы переписаны с древних протографов, правописание которых было двуеровым и одноюсовым (▲). Палеографический анализ показал, что временем перевода текстов следует считать не 1489 г. (6997), а намного более ранний, и сделаны они были в одном скриптории⁴. Торжественник был переписан с рукописи 1397 г. (6905), тогда же был сделан перевод с церковнославянского на «просту мову». Протографом, с которого был списан Златоуст, является рукопись, созданная не позднее середины XIV века, — к этому времени складывается прототип Торжественника триодного и Златоуста как сборников проповедей. Графико-орфографические особенности памятника отражают систему орфографии украинских скрипториев конца XIV — начала XV в.

І. Язык памятника имеет ряд характерных особенностей местоименного узуса. Для личных местоимений в «простой мове», как в древнерусском языке, характерно употребление параллельных полноударных (ортотонических) форм и энклитик. Последние являются языковой нормой, а полно-

¹ Памятник хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, ф. 301 (ЦАМ КДА), № 415 Л.

² Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: Уставні та півуставні кодекси кінця XIII — початку XVII ст. / Відп. ред. Л. А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. С. 291.

³ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1. С. 87.

⁴ Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція... С. 292–293.

ударные формы обычно имеют семантическую причину⁵ — в Четье, как правило, это эмфатическое употребление или противопоставление. Дублетные формы фиксируются в ACC (мѧ, тѧ // мене, тебе) и DAT (ми, ти // мнѣ, тебѣ). В исторических грамматиках белорусского (ACC мя, ты // мене, тебе и DAT ми, ти // мѣнѣ, тобѣ, тебѣ)⁶ и украинского языка (ACC ми, ти // мене, тебе и DAT ми, ти // мѣнѣ, мѣнѣ, тобѣ, тебѣ)⁷ приводятся сходные оппозиции.

Примеры дублетных форм в ACC: жадѣнъ вѣ не напоистѣ мѧ нагъ вѣ не вблекостѣ мѧ (л. 289 об.); прииди воспытаем тѧ июдоуого дѧа продаешъ гѧуи оулишилъ тѧуимъ ѿ вѣнкъ свой. не тое жъ ли ути оучастникъ еси былъ. коли ноги хѣтъ вѣнкѡ своимъ оумывѧ. своимѣ стѣми роукѧми. такъ же и твоѣ оумы. не вѣлишилъ тѧ ѿ оуѣнкъ свой. ни вдное уѣти. а ты предади его стѣмѣ мѧтъ въшроужилъ сѧ. а онъ ниуимъ не хотѣлъ ѿ апостоловъ ѿбѣити тебе. а вѣдаѧ лѣтъ твою и вѣверати тобѣ вѣлъ со собою. <...> а онъ рекъ на вѣвери. хто ден со мною. вѣ солило рѣкоу мноуѣ. тотъ мѧ предасть. (лл. 319 об.—320); помилѣи мѧ не вѣди его сѣмъ. его бо голосъ мене оустрашѣ. (л. 321 об.); прошю тебе. не вѣди его сѣмъ. (л. 322);

и в DAT: занѡу алуѣнъ вѣ. не дастѣ ми гѣсти. (л. 289 об.); приидѣте ко мнѣ вси троужающѣи сѧ вѣрѣмѣнѣни. (л. 299); а не рекъ тобѣ. предасть. оустѧнъ ѿ вѣвери предѣтелю мои. занѡу негодно тобѣ со мною вѣверти. (лл. 319 об.—320); и исъ тѡ рекъ еи. жѣно по вѣре твоѣи вѡди тобѣ. какъ же хоѣши. (л. 321); и оумеръ вѣ лазоръ дрѣгъ его. похвѧтъ дѣшю его. и привѣдохъ его к тобѣ вратѣ мои аде. (л. 321 об.); и рекъ адъ дѣволоу. лиши сѧ его. штобы ти не было горѣи. (л. 322 об.); и аще ти сѧ приключѣи волѣзнь. не оузложи хоулы на бѡ. (л. 301 об.).

Следует отметить, что в грамматиках Лаврентия Зизания 1596 г. и Мелетия Смотрицкого 1619 г., отразивших «простомовные» языковые черты в отдельных дефинициях и некоторых грамматических конструкциях, эти формы личных местоимений приводятся как синонимичные: DAT мнѣ, тебѣ и/или ми, ти; ACC мене, тебе и/или мѧ, тѧ⁸, без уточнения возможной семантической или синтаксической дистрибуции. В единственной «простомовной» грамматике, написанной на латыни И. Ужевичем и появившейся в 1643 г., представлены сходные варианты форм: DAT мнѣ, мнѣ, тебе, тобѣ и/или ми, ти; ACC мнѣ, мене, тебе и/или мѧ, тѧ (лл. 18–18а). Дублетные формы личных местоимений в «простой мове» могли появляться из-за

⁵ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки русской культуры, 2008. С. 132.

⁶ Янкоўскі А. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск: Выш. школа, 1983. С. 147.

⁷ Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору). Ужгород: Закарпатське обласне видавництво, 1960. С. 146.

⁸ Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой, предисловие Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.: Издательство Московского университета, 2000. С. 67, 259–260.

польского языкового влияния: DAT *mnie, mi; tobie, ti*; ACC *mnie, mię, mie; ciebie, cię, cie*⁹.

При употреблении личного местоимения 1 л. ед. ч. в Четье наблюдается стилистическая дистрибуция: церковнославянская форма азъ используется в прямой речи, принадлежащей Господу, чтобы подчеркнуть божественную сущность, или в словах Иоанна Златоуста как Отца Церкви, богослова и истолкователя Священного Писания. Напротив, речь пророков или апостолов передается с «простомовной» формой ја, которая очевидно, была при-суща живой речи уже в XI в. (по крайней мере, ее фиксации встречаются уже в памятниках начала XII в.¹⁰). В грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого подобной дистрибуции не зафиксировано, приводится только церковнославянская форма азъ. В исторических грамматиках белорусского и украинского языка указывается форма јаъ¹¹.

Примеры прямой речи, принадлежащей Господу: рѣ во гѣ законъ даа людемъ своимъ не сотворѣте на земли подобна вбразоу моемоу. нѣ во ѿ развѣ имене. ни на небѣхъ ни на земли. ни въ водѣ. азъ во роукою моею оутвердѣ нѣса. азъ же постави солнце на просвѣщеніе члвкомъ. азъ потоуихъ истоуники и рѣки. мога бо естъ вселенна. и конецъ ея не хочю во смерти грѣшникѣ. но спниа и жадаю. любя рода члвчскѣ. не могути видѣти его. в лѣсть дьяволю оупадшаго. но того ради соидѣ с нѣси на землю. неизреченно велихъ са во ютревѣ пречѣтое бже. присно дѣи мри. (л. 290 об.); глеть во гѣ. не такого поста азъ прошѣ ѿ вѣ. (л. 292 об.); протѣ хочете ль послушати. и азъ сповѣдаю вамъ. хто естъ црь. црь естъ хсъ бѣ. а земля што кипаше вбниемъ влагимъ. то естъ стѣна цркви. (л. 298 об.)

Прямая речь от лица пророков и апостолов: дроугни прркъ рекъ. ја вразумѣлъ. што имаю емоу слоужити. <...> и нын рекъ. ја вразумѣлъ. што вункъ его имѣе предати. и рекѣ. падын мои члвкѣ. вунилъ естъ на ма лѣсть. (л. 318); и рекохъ ја иванъ [Иоанн Богослов]. ги оуслыши гла раба твоего. (л. 372 об.)

Или ср. фрагменты, в которых повествование ведется от лица дьявола: и дьяво емоу рекъ. ничею не вѣлаки с брате. не бани ихъ словъ. не бои са нима-ла. ныне бо пришѣ. к нимъ ивѣ крѣитель. веселитъ ихъ. занѣ великии рѣчунки естъ. коли онъ на земли бѣ живѣ. и онъ много повѣда в томъ члвчѣ. а рекѣ. ни. што хсъ спсѣ нашъ естъ. избавитель всѣхъ на. и ја вшѣ. во иродовѣ женоу. помощницу мою и любовницу. и тою возмѣтилъ есми црѣ. и онъ того ивана. на вѣдѣ сталъ. и далъ его головоу. дочуцѣ свои двѣ. и она ка павлокомъ играла. головою его. (лл. 318 об.–319); ѿшѣ есми далеко ѿ него. и тамъ знашѣ есми доброго молодца. вшѣдъ в него жи есми. и онъ ни самъ не вѣдаю ѿколь

⁹ Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. S. 157.

¹⁰ Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови... С. 151.

¹¹ Янкоўскі А. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы... С. 147; Бевзенко С. П. Исто-рична морфологія української мови... С. 146.

пришолъ• запрѣтилъ ми• вѣлѣ выити с него• и иа вышѣ из молодца• и не нашолъ
мѣста коудѣ поити• и просѣ его• вы ми а оу свиныхъ далъ моцъ• (л. 321).

II. Русский, белорусский и украинский языки относятся к С-системам, не имеющим кластеризуемых клитик¹². Тем не менее последние в памятнике частотны, и некоторые закономерности в их употреблении все же наблюдаются.

Возвратная частица *ся* может употребляться в Четье как до, так и после фонетического слова в клаузе. Стоит отметить, что в древнепольском языке, оказывавшем сильное влияние на развитие «простой мовы», возвратная частица *się* тоже не имела фиксированного места и могла находиться как до или после глагола, к которому она относится, так и отрываться от него¹³. Кроме того, в западно- и южнославянских языках нет запрета на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы. В ряде примеров в памятнике *ся* стоит в новой позиции, в древности запрещенной, что является нарушением закона Ваккернагеля¹⁴, и синтаксически характеризует специфику языка Четьи:

заноуѣ бо в'си вѣлми сѧ раѣють слышауи ѡ немѣ• (л. 319); а онѣ какъ простыи ѹлѣкѣ смерти сѧ боалѣ• (л. 324 об.); разбонникъ естъ дѣволъ• што имѣнью сѧ радоеѣ• (л. 310) и др.

Самая, пожалуй, распространенная позиция *ся* — после полноударного слова (или слов, см. лл. 293 об., 319, 340 об.; или, реже, в цепочке клитик, как в примере, см.: л. 301 об.), непосредственно перед глаголом, к которому она относится:

аще хѣто гнѣвъ имѣѧ• в сѣбю црѣковѣ идѣтъ• бѣ сѧ молити• (л. 293); ѡ унѣ срдѣ боу сѧ молити• (л. 293 об.); аще воздержимѣ• тѣлы ѡ обыдѣннѧ• а дѣшею ѡ пыанѣства• вгодимѣ боу благинѧ дѣлы• (л. 294); аще ти сѧ приключи болѣзнь• не оузложи хоулы на бѧ• (л. 301 об.); всѧкъ ѹлѣкѣ хрѣтианинѣ• хотѧ сѣтымѣ постѣ• ѡ бѣ сѧ присвонти• долженѣ естъ правое• пошѣние исполнитѣ• (л. 303 об.); тогда какъ сѧ ѡлоучилѣ унѣ аплѣскаго иудѧ• (л. 320); и рекѧ имѣ ангѣлѣ што сѧ гавилѣ имѣ• (л. 328 об.); а многимѣ сѧ наоуѣгаю• (л. 340 об.); такъ же и пыаници инымъ сѧ оусмеѣаютѣ• а сами тако свинѣ в лѣжи сѧ балаю• (л. 340 об.); поуали сѧ дивити• (л. 343); боу сѧ молѣмѣ (л. 351); а смер'ти сѧ не боалѣ• (л. 320 об.).

Употребления *ся* в цепочке клитик с причинным союзом *бо* ('потому что') являются синтаксическими клише. Они встречаются в других «простомовных» памятниках (первый пример из Евангелия В. Тяпинского ок. 1580 г. (далее ЕТ)) и выступают как часть персуазивного дискурса:

ѹпрѣвонѣетѣ во сѧ нѣво [Мф 16:2]; не радоуетѣ во сѧ бѣ• ѡ впадающѣ во грѣхи• (л. 291); привѣжи во сѧ вѧ црѣво нѣное• (л. 296 об.); воали во сѧ•

¹² Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. М., 2012. № 5. С. 32.

¹³ Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego... S. 199.

¹⁴ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики... С. 81–82.

(л. 328 об.); кающѣхъ во сѧ бѣ покаяне приѣмлетъ. (л. 309 об.); прѣблѣжи во сѧ вѣмъ црѣво нѣное. (л. 309 об.); радѣхъ во сѧ бѣ в спѣнии нашенъ. (л. 313 об.); прѣблѣжи во сѧ вѣмъ црѣво нѣное (л. 313 об.); воплѣснѣмъ во сѧ ис тебе. (л. 325); не сороменъ во сѧ. (л. 328 об.); сѣтвори во сѧ тогда оу соборе дивное чюдѣ. (л. 352 об.).

Возвратная частица также может отделяться от глагола агенсом или дополнением, выраженным, как правило, личными местоимениями, а также наречиями (пакъ, вѣлми). При этом возможна пост- и препозиция относительно глагола:

такѣ сѧ бѣ рѣскалѣ в гнѣвѣ своѣ. (л. 329 об.); коль краты сѧ бѣ вѣща-еши. (л. 369 об.); ныне сѧ моѣ прѣвѣство исполнилѣ. (л. 324 об.);

што сѧ намѣ пригажаѣ. (л. 330); оумъ сѧ его прѣменилѣ. (л. 307 об.); того ради прѣже стѣстен слово утет сѧ да сѧ к нимѣ прѣготовилѣ. (л. 311); трѣсоу во ми сѧ состави. и улонковѣ оустрашаѣтъ ми сѧ срѣ. (л. 319 об.); вѣе сѧ товѣ прѣблѣжила моука. (л. 360);

ашѣ сѧ пакѣ вѣслаблѣмъ. то вѣ вѣчнѣю моукоу пондемъ. (л. 310); азъ же сѧ вѣлми разгнѣва на него. (л. 321).

Частица *сѧ* может «отрываться» от глагола и оказываться в пре- или постпозиции относительно глагола, к которому она относится, будучи в составе сложной глагольной формы или наклонения:

што сѧ есми запрѣлѣ его. (л. 328 об.) — в составе перфекта;

вѣселе не имѣтъ ми сѧ прѣтивѣти. (л. 321 об.) — в составе сложного будущего I;

рѣ во дѣвѣ да сѧ исправѣ мѣтѣ моѣ. (л. 308 об.) — в составе повелительного наклонения;

коли вѣ имѣлѣ с него силы. знагалъ вѣхъ сѧ с нимѣ и переже. (л. 322); штобы сѧ не порадовали нашенъ вѣзаконѣмъ: того ради моуѣмъ сѧ уѣвѣлюѣцѣ бѣу. (л. 305) — в составе условного наклонения.

Как видно из последнего примера, *бы* может не быть энклитикой, если это начальное полноударное слово в абсолютном начале клаузы (ср. маркированные «простомовные» формы типа *высь*, *высмы* и др., образованные под влиянием польского условного наклонения: *by* + показатель лица и числа (*by-śmy*, *by-ście*)). Это возможно, если *бы* выступает в функции союза, не характерной для энклитики¹⁵. Аналогичные формы, сформировавшиеся под польским языковым влиянием, встречаются и в ЕТ: *ажѣгы*, *авѣгы*, *ижѣгы*, *жеѣгы*¹⁶. Зализняк называет подобные употребления проклитико-энклитическими комплексами¹⁷: *да+же=даже*, *да+бѣ=дабы*.

¹⁵ Вимер Б. Между наклонением и фоссилизацией: о многоликости судьбы клитики *бы* // U prostoru lingvističke slavistike: Zbornik naučnih radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera. Београд: Филолошки факултет, 2015.

¹⁶ Смирнова Е. А. Евангелие Василия Тяпинского. К реконструкции глагольной системы «простой мовы» / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 85. DOI: 10.31168/7576-0507-4

¹⁷ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики... С. 76–77.

Уада моа· раоует сѧ срѣе мое ѡ вѧ· да высте блго сотворили· (л. 293 об.); размыслымо брае· хто бы хотѣлъ ѡрѣдовати къ црю· преже бо· до старшего слѣги придетъ· дабы его ѡвѣститъ· а воудѣ в ѹомѣ согрѣшилъ· то вельми ѡ немѣ пѣуаоуетъ сѧ црь· дабы ѡправданъ бы· (л. 298); глюще· ажъ бы тѣла своѧ собоюсти· (л. 310 об.); атъ бы не вшѡ сѣмо· затвори· (л. 324); ажъ бы· хомъ вѣрили· што жъ посполь имаемъ оустати из мертвѣ вѣси· (л. 325 об.); да выхом сѧ не соблзнили разоумѡ дыгволимъ блгудѡ· (л. 363 об.); помазати стое тѣло е· абы вѹнстомъ было· (л. 328); оуказываючи имъ· ажъ бы видѣли мѣсто гдѣ лежѧ· (л. 328 об.); англъ рекъ жонѧ· абы повѣдали апломъ· штобы шли в галелѣю· (л. 329); абыхом сѧ наказнили· и ѡплѧ исправили сѧ· (л. 329 об.); ажъбы даромъ пригажало сѧ на насъ· (л. 330).

В современном польском языке *by*, начинающее клаузу и одновременно выступающее в качестве союза, присоединяющего придаточное предложение, также является показателем сослагательного наклонения. Эта союзная функция *by* более поздняя, что связано с изменением поведения энклитики¹⁸.

Во второй части Четьи четыре раза фиксируется частица *чи*, с дополнительным модальным значением, характерным для древнерусских памятников и близким современным частицам *разве, неужели*¹⁹: *прииди воспытаем тѧ нюдо· ѹого дѧа продаешъ гѧ· ѹи оулишилъ тѧ ѹимъ ѡ вѹнкъ своѣ·* (л. 319 об.); *ѹи не говорилъ ти есмь· лишн сѧ его·* (л. 324); *ѹи забыла еси· но мы не забыли· оускорѣ написахомъ ваша дѣла· еже согрѣшила еси оу стое воскреснѣ·* (л. 356); *ѹи забыли есте своѣ злѣ дѣла· но мы не забыли·* (л. 366). В риторическом вопросе частица приобретает дополнительное модальное значение сомнения, предположения. Обычно для говоров украинско-белорусского пограничья указывают как характерную черту употребление вопросительной частицы *ти*, а *ци* и *чи* (*чы*) рассматриваются в качестве равноправных фонетических вариантов²⁰. Вариативность *ти* // *ци*, вероятно, связана со свойственной белорусскому языку аффрицированностью [т'с'], или цеканьем²¹. Вариативность *ци* // *чи*, по материалам памятников XI–XIV вв., также существенных отличий не отражает и позволяет рассматривать их, несмотря на различное происхождение, как варианты одной единицы²².

¹⁸ Вимер Б. Между наклонением и фоссилизацией...

¹⁹ Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах // Вопросы русского языкознания. Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова / Под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. 8. С. 212.

²⁰ Рыко А. И. Вопросительная частица vs. разделительный союз: ти в говорах русско-белорусского пограничья // Северно-русские говоры / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. Вып. 17. С. 184, 186.

²¹ Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1908. Т. II. С. 434, 449.

²² Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ)... С. 210–211.

III. Синтаксическая структура памятника характеризуется наличием регулярных анафорических цепочек с местоимениями и последовательным / параллельным подчинением. В описываемых случаях антецедент и местоимение кореферентны, то есть обозначают один и тот же объект (полужирным выделен антецедент, подчеркиванием — заменяющее его местоимение).

Примеры последовательного подчинения: поидѣмъ оу благоую **жизнь**· в ню же зоветь ны ꙗко бѣ ꙗла· покаяте сѧ· (л. 296 об.); и причастници выхъ пречѹтого его тѣла· и стѣна **крови**· ею же омыль ѹлѹескиа грѣхи· и смертью своею оживилъ ѿ века **оумершаго**· ихъ же ради соше во адъ· (л. 335); поидѣмъ ко боу чистымъ срѣземъ· с теплыми слезами· о свой **грѣѣхъ** оуспомнѣм сѧ· о **нихъ** же боудемъ оустрашныи днь ѡбвѣати· коли вси станемъ прѣ ꙗко бѣгомъ· и не боуди намъ тѣжко· нищего призрети· **мѣтню** дати· **та** во много намъ помагае· (л. 292 об.);

Примеры параллельного подчинения: аще хощете оубѣдати што есть **алѹѹба**· алѹѹба оубо есть крѣмъ мѣтнѣ· **то** во есть бжїе стажааніе· **тою** во приближимъ сѧ неомѣ црѣви· (л. 308 об.); и мѣна магдалины· мѣна· **и**акова· и соломоны· кѣпили драматы миро· и хотѣть пришеде помазати ꙗ· **разъ**мно было бытіе· и жадааніе **ты** **жизнь**· **што** вѣдати· и видѣти идоу· гдѣ положенъ бѣдетъ хсѣ· да пришеде споведають вѣнко· **воскрѣ**ніе и радость принесоу· **родъ** во жѣньскѣи· **што** переѣ **всоу**женъ бѣ в раи· прельщѣннѣ ради зминного· **тотъ** же нинѣ **принимаетъ** добрую чѣсть и видѣніе· (л. 327 об.).

Еще одной характерной чертой языка Четвы является частотное определительное местоимение *сам*, которое может выражать кореференцию с субъектом предложения, функционально сближаясь с категорией возвратности²³. Причем возможна кореференция внешняя, с антецедентом в предшествующем контексте вне данного предложения, и внутренняя, касающаяся членов одного и того же предложения. Местоимение употребляется в памятнике в разных значениях, в первом и третьем из которых выражается кореференция:

1) значение отделения / противопоставления лица или предмета от других лиц или предметов: лютеѣ тобѣ дѣшо· **любо**дѣа **всоу**жае· а **сама** боудѣи **любо**дѣица· татіе оукарешь· а **сама** іако звѣрь чѣжеє емаѣ· **лю**кавы ѹлѣкъ не **люби**· а **сама** лѣстью расчѣсти сѧ хощеши· **срѣ**земъ лѣстивымъ· на дѣрга сѣтъ **готови**· а на **самого** іама оуготовлена· **горе** тобѣ дѣшо· (л. 355 об.);

2) для подчеркивания значимости, особого веса и величия лица или предмета: аще хто црѣковъ бжїю **всквер**нить· **всквер**нить **самого** бѣ· (л. 364);

3) для подчеркивания, что действие или состояние распространяются и на определяемое лицо или предмет; в значении ‘тоже’, ‘также’, ‘и’: не помиловавши· **самѣ** ѿ ꙗко **не**помиловани боудоу· (л. 370 об.).

²³ *Adamec Př.* Рефлексивность и местоимение *сам* // *Revue des études slaves*. Paris: Institut d'études slaves, 1994. Т. 66. Fasc. 3. Р. 438.

IV. В Четье регулярно встречаются примеры употребления местоимений с кванторным антецедентом, и подобный тип связи называется *связывание переменной*: местоимение в данном случае выражает переменную, которую связывает квантор. Последний должен линейно предшествовать местоимению, чтобы его связать. Либо квантор должен иметь структурный приоритет (с-command) над местоимением в структуре составляющих — см. Теорию связывания Н. Хомского (Binding Theory), в которой структурно соотносятся разные типы имен и местоимений с их антецедентами²⁴. Аналогичные исследования на материале современных языков проведены в работах Т. Рейнхарт²⁵, Н. В. Ивлиевой²⁶ и др.

Квантор в Четье может выражаться местоимениями: *хто* (в преобладающем большинстве случаев), *которыи*, *вскъ* — объединяемыми гиперонимом ‘всякий, любой’ и входящими в синтаксическую конструкцию: (*всякий*) *кто...*, *тот...*

Частотное употребление кванторов в Четье объясняется прежде всего жанровой особенностью памятника, характеризующейся обобщенным смыслом (генерализацией), а также повышенной функцией воздействия. В ЕТ в роли аналогичного квантора выступает местоимение *которыи* (см. первый пример):

Котории во кольвекъ униѣ волю ѿца моего которѣи ѣ на нѣсѣ. **тотъ** в'ратъ мѡн. и сестра, и мат'ка ми естъ. [Мф 12:50]; **аще хто** слышавъ сѣа словеса. а не имать вѣрности. **тѣ** предаѣтъ воудѣ мѡуце вѣунои. ѡгню негасимѡму. (л. 294); **хто** приѣмѣ в домъ свои нищии. **тѣ** самого х'а приѣмѣтъ (л. 295); **хто** творѣ волю б'жию. **тотъ** не погинеѣтъ в вѣки. (л. 296 об.); **хто** трѣдит с'а х'а ради. **тоиѣ** готовѣет с'а венецъ. (л. 312); а **хто** нишии м'л'тню творитъ. **тоиѣ** готовѣи б'тъ неизмѣннаѣ благаѣ. а **хто** братѣи своеѣ не любѣи. **тоиѣ** готовѣи м'л'коу вѣуноу. (л. 348 об.); а **хто** заповѣди его не имать творити. **тотъ** ѡсѣдит с'а со грѣшники в м'л'коу вѣуноу. гдѣ не воудѣтъ помилѡванѣа ѿ б'а. а **хто** волю ѣ творитъ. и заповѣди его твѣрдо блюдетъ. **тоиѣ** готовѣи г'ъ б'тъ нѣное цр'тво. (л. 351 об.); а **которыи** не гораздо слышитъ. **тѣ** пытаѣтъ перѣжъ слышавшаго. (л. 345 об.).

Субстантивированный атрибутив *тотъ* и субстантив *то* в подобных контекстах, как и в деловой письменности XIV–XV вв.²⁷, отсылают ко всему придаточному целиком и выступают в функции детерминатива. Для

²⁴ Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УССР, 2002. С. 47.

²⁵ Reinhart T. Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // *Linguistics and Philosophy* 6. 1983. P. 47–88.

²⁶ Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. М.: Изд-во РГТУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 144–150.

²⁷ Скрипка В. К. Функционирование местоимения *тѣ* (тотъ) в деловой письменности XIV–XV вв. // *Litera*, 2022. № 6. С. 61. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138

конструкции с квантором в зависимой клаузе характерным является предложение «архаического типа»²⁸, т. е. позиция предшествования главной клаузе, что типично и для современного русского языка²⁹. Кроме того, «проста мова», являясь языком *pro-drop*, при структурном приоритете квантора допускает эллипсис местоимения в главной клаузе: *аще хѣто црѣковѣ бѣжю ѡсквернить ѡсквернить самого бѣ* (л. 364); *аще хѣто кого ѡсѣди ѡсѣдитъ самого бѣ* (л. 332), но такие употребления являются в Четье скорее исключениями.

Выводы

Четья 1489 г., имея церковнославянскую языковую основу, также включает в себя (на разных языковых уровнях) «простомовные» элементы. В данном исследовании описаны диалектные особенности местоименного узуса, с опорой на синтаксические роли в предложении и семантику.

Четья отражает переходный характер употребления клитик: бо́льшая часть из них кластеризуется, другая имеет более свободное употребление: в частности, возможна постановка *ся* после неодночленной актантной группы. Синтаксические клише с причинным союзом *бо* и клитикой *ся* являются частью персуазивного дискурса и характерной чертой «простомовных» текстов конфессионального содержания. По аналогии с древнепольским языком, частица *ся* в Четье может стоять как до, так и после глагола, к которому она относится, а также дистантно, в пост- и препозиции.

Личные местоимения 1 и 2 лица ед. числа в ACC и DAT имеют дублетные формы, краткие из которых употребляются в Четье в качестве энклитик. Употребление личного местоимения *азъ*//*я* демонстрирует стилистическую дистрибуцию, отграничивая речь Господа и Отцов Церкви от прямой речи пророков, апостолов, а также дьявола.

Частицы *бы* и *чи*, оказываясь в позиции начала клаузы (т. е. в случае с частицей *чи* — в абсолютном большинстве примеров), меняют в Четье синтаксическую роль клитики на союзную функцию.

Эпидейктическая речь, преобладающая в Четье и включающая, как жанр риторики, восхваления и порицания, характеризуется высокой степенью воздействия и генерализации. Следовательно, в тексте памятника много обобщений, добиться которых возможно при частотном употреблении кванторов (*хѣто*, *которыи* и под.). Синтаксис сложный, представлен многочисленными анафорическими цепочками, с последовательным или параллельным подчинением.

²⁸ Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Opera selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 77–79.

²⁹ Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом... С. 145.

Литература

- Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору). Ужгород: Закарпатське обласне видавництво, 1960. 415 с.
- Вимер Б. Между наклоном и фоссилизацией: о многоликости судьбы клитики бы // U prostoru lingvističke slavistike: Zbornik naučnih radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera. Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 189–224.
- Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: Уставні та півуставні кодекси кінця XIII — початку XVII ст. / Відп. ред. Л. А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. 476 с.
- Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой, предисловие Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.: Издательство Московского университета, 2000. 528 с.
- Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1. 371 с.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семантика и информатика. Opera selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 59–107.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки русской культуры, 2008. 281 с.
- Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 144–150.
- Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1908. Т. II.
- Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах. // Вопросы русского языкознания. Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова / Под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. 8. С. 209–220.
- Рыко А. И. Вопросительная частица vs. разделительный союз: *ти* в говорах русско-белорусского пограничья // Северно-русские говоры / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. Вып. 17. С. 184–204.
- Скрипка В. К. Функционирование местоимения *тъ* (*тотъ*) в деловой письменности XIV–XV вв. // *Litera*, 2022. № 6. С. 56–65. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138
- Смирнова Е. А. Евангелие Василия Тяпинского. К реконструкции глагольной системы «простой мовы» / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. 416 с. DOI: 10.31168/7576-0507-4

Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УССР, 2002. 480 с.

Ужевич И. Грамматика славянская (рукопись). Париж, 1643.

Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. М., 2012. № 5. С. 3–37.

Янкоўскі А. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск: Выш. школа, 1983. 271 с.

Adamec Př. Рефлексивность и местоимение *сам* // Revue des études slaves. Paris: Institut d'études slaves, 1994. Т. 66. Fasc. 3. Р. 437–440.

Reinhart T. Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // Linguistics and Philosophy 6. 1983. Р. 47–88.

Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 224 s.

References

Adamec, Př., 1994. *Reflexivity and the Use of Pronoun '(one)self'*. In: *Revue des études slaves*. Paris: Institut d'études slaves. Vol. 66. Fasc. 3, pp. 437–440. (In Russian).

Bevzenko, S. P., 1960. *Historical Morphology of the Ukrainian Language (Essays on Inflection and Word-formation)*. Užgorod: Zakarpats'ke oblasne vidavnytvo. (In Ukrainian).

Cimmerling, A. V., 2012. *Word Order Systems in Slavic Languages*. In: *Voprosy Jazykoznanija*. Moscow. № 5, pp. 3–37. (In Russian).

Gnatenko, L. A., 2016. *Paleographic and Spelling Attribution of the Ukrainian Cyrillic Handwritten Book: Statutory and Semi-statutory Codes of the late XIII — XVII centuries*. Vidp. red. L. A. Dubrovina; NAN Ukraïni, Nacional'na biblioteka Ukraïni imeni V. I. Vernads'kogo, Institut rukopisu. Kiïv. (In Ukrainian).

Jankouški, A. M., 1983. *Historical grammar of the Belarusian language*. Textbook for the Faculty of Philology of pedagogical universities. Minsk: Vysshaja shkola. 271 p. (In Belarussian).

The grammar of Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky, 2000. Sost., podg. teksta, nauchnyj kommentarij i ukazateli E. A. Kuz'minovej, predislovie E. A. Kuz'minovej, M. L. Remnjovoj. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Ivlieva, N. V., 2010. Pronouns with a Quantifier Antecedent in Russian. In: *Computational Linguistics and Technologies. Papers of DIALOGUE-2010*. Moscow: RGGU. 9 (16), pp. 144–150. (In Russian).

Karskij, E. F., 1908. *Language of the Belarussians. 1. Historical Outline of the Phonetics of the Belarussian Dialects*. Varshava: Tipografija Varshavskogo Uchebnogo Okruga. Vol. II. (In Russian).

Ptencova, A. A., 2000. *The Semantics and Functions of 'ci' (či) in Old Russian Manuscripts of the XI–XIV centuries and Modern Dialects*. In: *Issues of Russian Lin-*

- guistics. *Functional and Semantic Characteristics, Utterances and Words*. Pod red. M. L. Remnevoj i E. V. Klobukova. Moscow: MGU. 8, pp. 209–220. (In Russian).
- Reinhart, T., 1983. *Coreference and Bound Anaphora: a Restatement of the Anaphora Questions*. In: *Linguistics and Philosophy*, 6, pp. 47–88.
- Rospond, S., 2005. *Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 224 p.
- Ryko A. I., 2018. *Interrogative Particles vs. Dividing Conjunction 'mu' in Russian-Belarussian Border Dialects*. In: *Northern Russian dialects*. Otv. red. E. V. Purickaja. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. 17, pp. 184–204. (In Russian).
- Skripka, V. K., 2022. *Functioning of the Pronoun тѣ (момѣ) in Business Writing of the XIV–XV centuries*. In: *Litera*, 2022. №6, pp. 56–65. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138 (In Russian).
- Smirnova, E. A., 2024. *The Gospel of Vasil Tyapinsky. The Reconstruction of the Verb-system of Prosta Mova*. Otv. red. V. S. Efimova. Moscow: Institut slavjano-vedenija RAN, 2024. DOI: 10.31168/7576-0507-4 (In Russian).
- The Modern American Linguistics: Essential Directions*. Pod red. A. A. Kibrika, I. M. Kobozevoj i I. A. Sekerinoj. Izd. 2-e ispr. i dop. Moscow: Editorial USSR. (In Russian).
- Uzhevich, I., 1643. *Slavic grammar* (manuscript). Paris.
- Vimer B., 2015. Between mood and Fossilization: on the Multi-faceted Fate of the Clitic 'by'. In: *Inside the space of Linguistic Slavistics: Works of Scientific Works. Papers in Honor of Predrag Piper on the Occasion of his 65th Birthday*. Belgrade: Faculty of philology, pp. 189–224. (In Russian).
- Zaliznjak, A. A., Paducheva, E. V., 1997. *To the Typology of Relative Sentences*. In: *Semiotics and Computer Science. Opera selecta*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury; Russkie slovari. 35, pp. 59–107. (In Russian).
- Zaliznjak, A. A., 2008. *The Old Russian Enclitics*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian).
- Žuraŭski, A. I., 1967. *The History of the Belorussian Literary Language*. Minsk: Navuka i technika. Vol. 1. (In Belarussian).